

УДК 343.14

АМНИСТИЯ КАПИТАЛОВ: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

© И.И. Писаревский

Сибирский федеральный университет

Ни для кого ни секрет, что уже относительно длительное время в российском законодательстве наметилась очевидная тенденция либерализации ответственности за так называемые экономические преступления или точнее, как их именует гл. 22 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), преступления в сфере экономической деятельности, которая по количеству предусмотренных составов занимает одно из первых мест. Обозначенная тенденция проявляет себя на фоне призывов прекратить избыточное давление на бизнес и предпринимательское сообщество и не использовать механизм уголовной репрессии в качестве средства разрешения экономических споров.

Частным проявлением этой общей тенденции является провозглашенная и оформленная в 2015 году Федеральным законом «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 140-ФЗ амнистия капиталов, очередной этап которой стартовал 09.03.2022 с принятием федерального закона № 48-ФЗ, продляющего её действие до 2023 года.

Особенностью данной амнистии выступает цель – репатриация капиталов в обмен на различного рода послабления для их владельцев, ключевым из которых, конечно же, является иммунитет от уголовного преследования за те нарушения, наиболее значимые последствиях которых (по мнению государства) данная амнистия призвана устранить.

В частности, по общему правилу, лицо, вернувшее соответствующий капитал в российскую юрисдикцию, освобождается от уголовной ответственности, предусмотренной ст. 193, ч. 1 и 2 ст. 194, ст. 198, 199, 199.1, 199.2 УК РФ.

Оставив в стороне споры о том, на сколько в целом подобного рода амнистии справедливы и имеются ли в них дискриминационные основания, на что обращают внимание отдельные ученые [1, с. 75], рассмотрим их процессуальный аспект, который также таит в себе ряд проблемных вопросов.

На первый взгляд, с точки зрения процессуальной реализации, что может быть проще – внести в материальный закон соответствующее основание для

освобождения от уголовной ответственности или наказания, предусмотреть корреспондирующее основание для прекращения дела в уголовно-процессуальном кодексе и всё, процессуальный механизм создан и обеспечивает достижение поставленных целей амнистии.

Полагается, что изначально в похожей парадигме рассуждал законодатель. В частности, Федеральный закон от 08.06.2015 № 140-ФЗ внес изменения в ст. 76.1 УК РФ, предусмотрев декларирование и возврат в российскую юрисдикцию выведенных капиталов в качестве основания для освобождения от уголовной ответственности за их сокрытие и все иные, связанные с этим противоправные деяния, в виде неуплаты налогов и так далее. В свою очередь в ст. 28.1 УПК РФ появилась норма, согласно которой суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа прекращает уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении рассматриваемых нами преступлений.

Но для чего-то этим же федеральным законом были внесены изменения и в п. 5 ч. 3 ст. 56 УПК РФ, запрещающие допрос в качестве свидетеля должностного лица налогового органа об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с раскрытием информации о подлежащих репатриации капиталах? Иными словами – для чего соответствующим показаниям был придан статус недопустимых доказательств?

Данное дополнение несколько выбивается из ранее описанной логики, так как бессмысленно придавать статус недопустимых каким-либо доказательствам, если в любом случае уголовное дело, с которыми они могут быть связаны, подлежит прекращению по специальным основаниям. Вместе с тем, это может быть объяснено, например, ч. 13 ст. 3 Федерального закона от 08.06.2015 № 140-ФЗ, указывающей на необходимость обеспечения конфиденциальности сведений, раскрытых декларантом.

Однако здесь возникает другая проблема. Как отражено в п. 1 ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 08.06.2015 № 140-ФЗ декларант освобождается от уголовной ответственности только за конкретные составы преступлений в сфере экономической деятельности, связанные с выводом капиталов за рубеж. При это не исключается ответственность за иные преступления, установленные УК РФ, и не включенные в данный закрытый перечень. В то же время наделение должностных лиц налогового органа свидетельским иммунитетом и придание их показаниям статуса недопустимых, влечет невозможность их использования в доказывании в отношении и всех иных преступлений, не подпадающих под установленный Федеральным законом от 08.06.2015 № 140-ФЗ для декларанта иммунитет.

Приведенная логика получила дальнейшее развитие с опубликованием ответа Президиума Верховного Суда РФ от 30.10.2019.

Так перед высшей судебной инстанцией был поставлен прямой вопрос:

«Распространяются ли гарантии, предусмотренные частями 3, 4 и 6 статьи 4 Федерального закона от 8 июня 2015 года № 140-ФЗ ..., исключительно на лиц, совершивших деяния, содержащие признаки составов преступлений, предусмотренных статьей 193, частями 1 и 2 статьи 194, статьями 198, 199, 199¹, 199² Уголовного кодекса Российской Федерации, либо они распространяются и на лиц, совершивших любое иное деяние, предусмотренное Уголовным кодексом Российской Федерации?» [2, с. 1].

Кто выступал инициатором данного вопроса мы не знаем, но ответ Верховного Суда РФ оказался предельно конкретным:

«Коллизии между соответствующими нормами Уголовно процессуального кодекса Российской Федерации, Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и Федеральным законом от 8 июня 2015 года № 140-ФЗ должны разрешаться в пользу последнего, исходя из того, что Федеральный закон от 8 июня 2015 года № 140-ФЗ предусматривает в отношении отдельных категорий лиц дополнительные гарантии их прав и свобод как участников уголовного судопроизводства» [2, с. 2].

В развитие данного вывода Федеральным законом от 27.12.2019 № 498-ФЗ часть 2 ст. 75 УПК РФ дополнена пунктом 2.2, согласно которому к недопустимым доказательствам относятся полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий сведения о факте представления подозреваемым, обвиняемым специальной декларации в соответствии с Федеральным законом «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и (или) указанная декларация и сведения, содержащиеся в указанной декларации и документах и (или) сведениях, прилагаемых к указанной декларации, за исключением случаев представления декларантом копий указанных декларации и документов и (или) сведений для приобщения к уголовному делу.

Таким образом, был установлен, на первый взгляд, безусловный запрет использования в доказывании по любым уголовным делам любой раскрытой в рамках декларационной компании информации и в этом значении ранее рассмотренное положение п. 5 ч. 3 ст. 56 УПК РФ обретает свой смысл.

Вместе с тем, если согласно разъяснениям ВС РФ положения п. 2.2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ с одной стороны распространяются на все составы преступлений в части установленных уголовно-процессуальных запретов на использование сведений

и доказательств без согласия декларанта, то, полагается, что с другой, при условии раскрытия последних декларантом, они также могут использоваться по любым уголовным делам в качестве допустимых доказательств, но при соблюдении ряда условий.

Во-первых, данные сведения должны быть раскрыты декларантом применительно к каждому уголовному делу, в котором предполагается их использование, что прямо вытекает из ч.ч. 4, 5 ст. 4 Федерального закона № 140-ФЗ.

Во-вторых, из системного толкования ч.ч. 3, 4, 5 ст. 4 Федерального закона № 140-ФЗ следует, что данные доказательства не должны использоваться стороной обвинения в качестве подтверждения виновности декларанта в любом уголовно-запрещенном деянии, точно также, как они не могут выступать основанием для возбуждения любого уголовного дела. В то же время будет являться неоправданным ограничением прав стороны защиты запрет на использование декларации, наравне с любым другим документом, если она считает это необходимым и отвечающим собственным интересам при избранной линии защиты.

Аналогичные выводы, полагается, следует применять и к запрету допрашивать в качестве свидетеля сотрудника налогового органа, в частности, если о таком допросе ходатайствует сам декларант.

Следует заключить, что институты п. 5 ч. 3 ст. 56 УПК РФ и п. 2.2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ являются очень своеобразной вариацией теории асимметрии доказательств, когда в зависимости от признаков, несвязанных, в сущности, со свойствами относимости, допустимости и достоверности одних и тех же доказательств, по разному решается вопрос о возможности их использования в доказывании. В данном случае таким признаком является субъект представления доказательств и их природа, порожденная типом связи с обвинением.

Данный подход с точки зрения классических взглядов на доказывание, является небесспорным, и вызывает серьезные вопросы порядок его технической реализации. Однако, с учетом рассмотренной позиции ВС РФ, полагается, что обратное толкование рассматриваемых норм существенным образом снижает привлекательность самой идеи амнистии капиталов, коль скоро сохраняются любые риски привлечения декларанта к уголовной ответственности на основании раскрытых сведений.

Эта же позиция следует из анализа пояснительной записки к Федеральному закону № 140-ФЗ, в которой указано, что предлагаемые изменения в п. 2.2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ направлены на устранение возможностей правоприменения,

концептуально противоречащего государственной политике в вопросе репатриации капитала и на недопущение отказа в предоставлении гарантий, предусмотренных Федеральным законом № 140-ФЗ, со стороны отдельных «правоприменителей и правоохранителей».

Иными словами, целью института п. 2.2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, по смыслу законодателя, является именно устранение любой гипотетической возможности использования раскрытой информации во вред декларанту, что не исключает полной возможности использования раскрытых сведений в доказывании тогда, когда это выгодно самому декларанту.

Список использованных источников:

1. Капинус Н. И. Уголовно-процессуальные и экономические аспекты амнистии капиталов / Н. И. Капинус, Т. В. Телегина // Законы России : опыт, анализ, практика. – 2015. – № 11. – С. 70–75.

2. Ответ Верховного Суда РФ, утв. Президиумом ВС РФ от 30.10.2019 [Электронный ресурс] // Сайт Верховного Суда РФ. – Электрон. дан. – Систем. Требования : Adobe Acrobat Reader. – URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/28357/> (дата обращения: 22.09.2022).

УДК 349.2

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ДИСТАНЦИОННЫХ РАБОТНИКОВ

© **Н.Г. Плотникова**

Сибирский федеральный университет

За последние десятилетия дистанционная занятость по всему миру получила широкое распространение. Дистанционная работа - форма занятости, при которой работодатель и работник находятся на расстоянии друг от друга, при котором работодатель передает техническое задание, работник его получает, результаты труда и оплату осуществляют между собой при помощи современных средств связи [1].

В Российском законодательстве закреплено легальное определение понятия «дистанционная работа». Согласно статье 312.1 Трудового кодекса РФ дистанционной работой является выполнение определенной трудовым договором трудовой функции вне места нахождения работодателя, его филиала,